

УДК 94(47+57): 323

Политический ликбез как пропуск в ряды кадрового резерва советского руководства на местах в 20-е гг. XX в.

Н. В. Липатова

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск

В статье рассматривается школа политической грамоты как ступень в подготовке провинциального кадрового резерва и матрица лозунгового мышления молодых советских управленцев в 20-е гг. XX в.

Ключевые слова: ликбез, политическая грамота, политическое просвещение, кадровый резерв, идеология.

В условиях революции и Гражданской войны ускоренное политическое образование стало неотъемлемой частью большевистской государственной машины. Это был период политической закалки, естественного революционного обучения по-большевистски. Агитационная борьба сменилась вооруженной, политический оппонент превратился во врага, а фронт войны был не подпольным, не партийно-дискуссионным, не «классово-невидимым», каким он станет к 1921 г., а явным, осязаемым всеми органами чувств. В этих условиях формировались новые молодые борцы за советский строй, в надежности которых власть не сомневалась. Таких закаленных борцов за коммунизм новой власти катастрофически не хватало в наступившей мирной жизни, а их военно-революционное «самовоспроизводство» после кризиса 1921 г. прекратилось. Поэтому необходима была система для массовой закалки молодого советского резерва.

В арсенале большевиков был опыт русских партийных школ за границей начала XX в., которые ставили цель создать новую пролетарскую интеллигенцию и ее грамотных руководителей. Одной из таких школ на острове Капри руководил А. М. Горький. Он полагал, что можно с нуля создать всю пролетарскую культуру, в том числе и политическую. Дальше эксперимента дело не пошло, поскольку представление интеллигенции о рабочих было слишком оторвано от реальности. Однако с приходом большевиков к власти идея формирования новой пролетарской интеллигенции не исчезла, а трансформировалась в идею создания нового человека. Подготовка пролетарской интеллигенции реализовалась, правда, с серьезными изменениями в виде института красной профессуры. Если на «шуточное производство» красных профессоров и академиков у государства еще хватало сил и времени, то на «выращивание» пролетарско-крестьянского интеллигента и нового советско-

го управленца их уже не было. Оставался только метод красновардейской атаки, но на это раз она должна была быть нацелена не на капитал, а на молодежь.

«Эта борьба за молодежь есть одна из важнейших именно потому, что поскольку эта молодежь будет завоевана и не выпадет из рук рабочего класса, постольку она будет мощным оружием в предстоящей борьбе и гарантирует нам победу, постольку мы с нею вместе сможем развернуть не сравнимую с нынешним масштабом борьбу за просвещение самих масс, взрослых и подрастающих», – заявлял А. В. Луначарский в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова 25 января 1924 г., через три дня после смерти В. И. Ленина, обращаясь к молодым партийным и советским работникам, «кандидатам на командные посты» [7, с. 25]. Именно им предстояло дать молодежи то «образование, которое нужно», невзирая на то, что «эта молодежь еще не способна слушать лекции в учебных заведениях» [7, с. 26].

Комсомол, пионерская организация, коммунарское движение играли роль «невода» для будущих строителей коммунизма: идеологическая подготовка управленческого резерва начиналась в недрах этих молодежных организаций, а массовому обучению основам политграмоты в 20-е гг. XX в. было положено начало в пунктах ликвидации неграмотности. Однако азов политграмоты для тех, кто видел себя в рядах управленцев, было недостаточно. Для них первой ступенькой будущей карьеры были школы политграмоты.

Политграмота как пропуск в кадровый резерв власти рассматривается в данной статье на материалах специализированных изданий для системы политпросвещения: журнал «Большевик» (Москва, 1923–1925 гг.), «Коммунистическая ячейка» (двухнедельник Алтайского губкома (1924–1925 гг.)), «Вопросы комсомольской работы» (Самара, 1924 г.); газета «День советской пропаганды» (Самара, 1919 г.), «Голос молодежи» (Самара, 1924 г.), «Молодая рать» (Нижний Новгород, 1923 г., 1925 г.), «Трудовая правда» (Пенза, 1923 г.), «Детская правда» (Саратов, 1919 г.), «За грамоту» (Саратов, 1924 г.), «Резервы марксизма» (Саратов, 1925 г.)). Большая часть прессы локализуется в Поволжье, но географическая привязка в данном случае весьма условна, так как большинство газет перепечатывало информацию из центральной периодики и при этом реализовывало абсолютно идентичные программы.

Остановимся на двух аспектах системы политпросвещения. Во-первых, политпросвещение выступало как первая ступень будущего карьерного роста. Оно должно было дать «правильное понимание политической линии партии», научить умению не только объяснить что-то оппоненту, но и убедить его в правоте своих взглядов на элементарном уровне. Во-вторых, политпросвещение являлось основой коммунистического лозунгового мышления провинциального руководства в 20 гг. XX в.

Стоит уточнить, что речь идет о подготовке кадрового резерва управленцев на местах раннего советского времени. Отличительной чертой такого будущего провинциального руководителя должна была быть искренняя вера в идеи коммунизма, которая уживалась бы в нем с обычными житейскими заботами, умением справляться с бюрократическими проволочками и стрем-

лением улучшить свое материальное положение путем продвижения по служебной лестнице. Все это никоим образом не меняло почти слепого, религиозного по своей сути отношения такого руководителя к новой идеологии. С помощью политики ликбеза и всеобщей начальной политической грамоты (всеобщее начальное образование появится в СССР только в 1931 г.) власти удалось сформировать у населения единообразное представление о существующем государственном устройстве. С некоторой долей допущения это можно назвать формированием альтернативной гражданской религии [1, с. 217]. Социализм и коммунизм были не просто идеями, они были идеями религиозными [12, с. 24]. Правда, особенность социалистического/ коммунистического учения с самого начала состояла в том, что его религиозный характер, очевидный для критически мыслящего социолога или психолога, категорически отрицался людьми, считавшими себя представителями традиционных конфессий. Это противоречие было разрешено Раймоном Арном, отметившим, что светские религии, обещающие «спасение на земле в форме общества, которое надлежит построить», именно в силу такой предлагаемой ими локализации идеала не могут не быть антирелигиозными [11, с. 169]. Более того, коммунистическая «религия» представляла собой систему окончательных мотиваций, наполнявших жизнь смыслом, ради которого человек готов был принести любые жертвы [11, с. 30].

Партшкола как первая ступень будущей карьеры

Те, кто посещал школы малограмотных или пункты ликбеза, могли получить политические знания в многочисленных кружках, партшколах, на курсах и т. д. Общее число учреждений политпросвета в губерниях составляло от 500 до 1500 и включало школы, пункты ликбеза, библиотеки, музеи, а чуть позже и кинотеатры. Первой и обязательной для всех рабочих (коммунистов, комсомольцев, беспартийных) была объявлена *единая партшкола*. Таких партшкол в губернском провинциальном городе было обычно от 10 до 25. Например, в Пензе в 1923 г. их было 28, а в Саратове в 1924 г. – 27 [13]. Программа обучения была рассчитана на год и состояла из 15–20 тем [10]:

- 1) капиталистическое общество;
- 2) классы и классовая борьба;
- 3) классовая борьба в первой русской революции;
- 4) империализм – последняя стадия капитализма;
- 5) переходный период;
- 6) диктатура буржуазии и диктатура пролетариата;
- 7) основы хозяйственной политики;
- 8) через НЭП к социализму;
- 9) задачи партии в области промышленности;
- 10) задачи партии в области сельского хозяйства;
- 11) борьба за культуру;
- 12) основы партийного устава;
- 13) в борьбе за партию;
- 14) борьба с «правым уклоном»;
- 15) коминтерн;

В 1921–1922 гг. в качестве отдельных тем для изучения использовались работы не только Ленина, но и Троцкого [9], а уже в 1928–1929 гг. проводились занятия, посвященные ошибкам и заблуждениям Троцкого.

Программа обучения требовала виртуозного мастерства от преподавателей политграмоты, тем более что *«весь опыт дореволюционного времени они должны были выкинуть и строить работу заново»* [6, с. 40]. После появления в 1924 г. систематической (два раза в год) политической проверки партийцев и комсомольцев количество партшкол увеличилось, появилась новая форма – вечерняя партшкола. Так, в Барнауле в 1924 г. число партшкол возросло с 14 до 23, среди которых было 2 вечерних сокращенных [6, с. 42].

Однако партшколы не справлялись со своей задачей, так как даже партийцы на вопрос «что такое интернационал?» отвечали кратко: «Песня». Специализированные издания по политпросвещению отмечали, что «воспитанием» в партшколе *«можно любого партийца довести до такого состояния, что он нас пошлет, по меньшей мере, к черту и предпочтет отправиться в ближайшую пивную»* [6, с. 42]. Поэтому для молодежи, желавшей сделать карьеру, этого уровня подготовки также было недостаточно.

Второй ступенью стали *марксистско-ленинские кружки* (ленинизма, политэкономии, исторического материализма, истории ВКП(б), экономической политики, истории международного рабочего движения), а также *кружки текущей политики* и *тематические кружки* [10]. Для подготовки управленческих кадров каждый губком получал разрядку на *подготовку специалистов в вузах*, преимущественно по экономико-техническому профилю в столицах и сельскохозяйственному, педагогическому и идеологическому в провинциальных вузах. В среднем на губернию квотировалось от 50 до 75 мест [13].

Чтобы попасть в эту квоту, нужно было обязательно пройти курс кружка марксизма-ленинизма, поскольку *«величие Ленина можно понять только при сочетании революционной теории с революционной практикой»*. *«Практиков партия имела и имеет в большом количестве, но теоретических познаний Ленинизма у громадной части не хватает»*, – отмечало одно из агитационно-учебных изданий [2, с. 13]. Поэтому необходимо было незамедлительное изучение *«главнейших тем и вопросов Ленинизма в их логической связи»*. «Великолепная семерка» для грамотного партийца или комсомольца выглядела стандартно: 1) Ленин и диктатура пролетариата; 2) Ленин, партия и рабочий класс; 3) Ленин, крестьянство и коммунизм; 4) Ленин, партия и буржуазия; 5) Ленин и Коминтерн; 6) Ленин и национальный вопрос; 7) Ленин и организационные принципы большевизма [2, с. 14].

Политграмота как матрица лозунгового мышления

«Мы не рабы, рабы не мы» – фраза из первой советской азбуки «Долой неграмотность: Букварь для взрослых» (1919 г.). Она стала общеизвестной и до сих пор ассоциируется с советским букварем, несмотря на то, что в более поздних вариантах ее уже не было. Политпросвещение предполагало использование неких формул, с помощью которых обучающийся станет поклонником и участником строительства Страны Советов. Все словесные конструкции содержали отсылку к будущему, которое по определению не может быть

плохим. Занятия по политграмоте – это утверждение советской идеологии, это движение вперед, констатация уникальности. Именно слова, служившие для побуждения учащихся к чему-либо, использовались в формулировках тем занятий. Так, единая программа политподготовки для малограмотных рекомендовала 55 занятий и примерно 28 тем, так как на часть тем отводилось по два, а иногда и по три занятия [4]. Большинство тем предлагалось в форме повествовательных и восклицательных предложений: они выглядели как уже готовые суждения по рассматриваемым вопросам. Отчасти эти темы можно сравнить с теоремами, которые доказывали в течение всего занятия:

тема 1 занятия *«Строим новую жизнь. Октябрь!»*;

тема 2–7 занятий *«Наша промышленность растет!»* (промышленность текстильная, металлургическая, топливная и др.);

тема 9–10 занятий *«Развертывание и реконструкция»* (строительство и преобразование заводов и фабрик);

тема 16–21 занятий *«Профсоюз – школа коммунизма»*;

тема 47 занятия *«Наши газеты»* («Известия ВЦИК» и «Правда»);

тема 48–49 занятий *«Советская власть объединяет трудящихся различных национальностей в братский союз»*;

тема 50 занятия *«СССР – единственная в мире республика трудящихся»*;

тема 51 занятия *«СССР в окружении капиталистических стран»*;

тема 52 занятия *«В буржуазных странах власть в руках капиталистов»*;

тема 53 занятия *«Буржуазные страны эксплуатируют население»*;

тема 54 занятия *«Какие страны ведут враждебную политику по отношению к СССР»*;

тема 55 занятия *«Монополия внешней торговли – одна из основ социалистического строя»*.

Помимо кружков и школ, существовали еще домашние задания для молодежи на летний период времени. Самый большой объем информации должны были освоить комсомольцы. В их программах значились работы В. И. Ленина «Государство и революция», «О Рабкрине», «О продналоге», а также работы Г. Зиновьева «История партии» и Н. Бухарина «Азбука коммунизма» [3]. Отдельным блоком в задании для комсомольцев-старшеклассников были включены эпизодические лекции, которые они должны были сами подготовить для коллег по партийной учебе [3].

Советская власть взяла на вооружение тот самый эффект образования, который заставляет не только ребенка, но и взрослого чувствовать себя первооткрывателем, радоваться внезапно обретенному навыку и умению. Занятия в пунктах ликвидации неграмотности начинались с идеологически правильных вопросов: «Почему вы остались малограмотным?», «Для чего нужно учиться?», «С каких пор взрослые трудящиеся получили возможность учиться?», «Кем организуются школы по ликвидации неграмотности взрослых?» [3]. Ответы позволяли появиться на доске записи «Советская власть» и первым буквам, обозначающим гласные звуки, – *а* и *е*. Даже задача по арифметике порой содержала идеологическую информацию для запоминания ключевых имен и дат: «Владимир Ильич Ленин родился 22 апреля 1870 г., а умер

21 января 1924 г. Определите, в каком возрасте умер Владимир Ильич» [8, с. 44]. Задача на проценты объясняла учащимся, кто именно является их классовым врагом: «Годовой доход московского митрополита выражался приблизительно в сумме 81 000 руб.; митрополит, живший в Петербурге (теперь Ленинград), получал 300 % этой суммы. Сколько школьников можно было бы содержать на эти деньги, если содержание школы на 120 учащихся обходится в год в 4500 руб.?» [8, с. 23].

Характерное для начала обучения глубокое и прочное запоминание первых прочитанных слов соединялось с простыми и понятными малограмотным людям аргументами в пользу новой власти. Каждый получал набор простых формул, примитивных, но эффективно воздействующих на сознание, основанных на критике прошлого царского режима. Удивительно, но благодаря этому нехитрому знанию некоторые если и не ощущали себя миссионерами, то все-таки настойчиво именовали себя политически грамотными товарищами, истинными большевиками, комсомольцами, ленинцами, так как были носителями некоего «сакрального знания». Это явление Элиас Канетти назвал «радостью от негативного суждения»: «Это грубая и жестокая радость, которую ничто не может смутить. Суждение – это всего лишь суждение, даже если оно высказано с необычайной уверенностью. Оно не знает полутонов... Судящий отталкивает нечто от себя в группу неполноценного, причем предполагается, что он сам принадлежит к группе наилучшего. Человек возвышает себя, принижая другое или другого.... Власть судьи – вот что приписывает себе человек, действующий таким образом. Ибо только по видимости судья стоит между двумя лагерями, на границе, разделяющей добро и зло. Он сам себя всегда относит к добру...» [5, с. 367].

Отчасти именно это обстоятельство и превращало полуграмотную, но «политически образованную» молодежь в верных стражей нового советского строя. Они искренне считали себя людьми особого склада, людьми, скроенными из особого материала. Движение по лестнице политического образования и политической карьеры, умение убеждать с помощью набора простых суждений и энергия молодости в сочетании с верой в светлое будущее превращали этих людей в надежный кадровый резерв советской власти на местах.

1. *Erengé Rayger. The Invention of Tradition in Colonial Africa // The Invention of Tradition / ed. by Eric Hobsbawm and Terence Ranger. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1983. – P. 211–262.*

2. Большевик. – 1924. – № 10. – С. 14.

3. Вопросы комсомольской работы. – Самара. – 1924. – № 6.

4. За грамоту. – Саратов. – 1924. – № 5.

5. *Канетти Элиас. Масса и власть / Э. Канетти. – М. : Астрель, 2012. – 514 с.*

6. Коммунистическая ячейка. Двухнедельник. – 1924. – 30 дек. – 74 с.

7. *Луначарский А. В. В. И. Ленин : очерки / А. В. Луначарский – М., 1924. – С. 24–33.*

8. Учебная книга по математике. – Воронеж, 1932. – 56 с.

9. Молодая рать. – Нижний Новгород, 1923. – 7 нояб.

10. Молот Октября. – Самара, 1929. – 3 окт.

11. *Раймон Арон*. История XX века: Антология / Арон Раймон – М. : Ладомир, 2007. – 1106 с.

12. *Рыклин М.* Коммунизм как религия. Интеллектуалы и октябрьская революция / М. Рыклин – М. : Новое лит. обозрение, 2009. – 116 с.

13. Трудовая правда. – Пенза, 1923. – 18 дек.

Political Literacy Campaign as an Admission to Personnel Reserves of the local Soviet Government in the 1920s

N. V. Lipatova

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk

The author concerns the school of political literacy as a stage of training of the local personnel reserves and an ideological model of the soviet authorities in the 1920s.

Key words: political literacy campaign, schools of political literacy, political enlightenment, personnel reserves, ideology.

Липатова Надежда Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Ульяновского государственного университета, 432000, г. Ульяновск, ул. Аблукова, 15–18, тел. 89176027856, e-mail: nlipatova@mail.ru

Lipatova Nadezhda Valeryevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, the Ulyanovsk State University (USU), Ulyanovsk, 432005, Ablukov St., 15–18, phone 89176027856, e-mail: nlipatova@mail.ru